

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ СЮЙ ЧЖИМО

А.С. Афанасьев¹, Лу Цзин²

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия

¹a.s.afanasyev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0571-833X>

²723311545@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-3960-7304>

Аннотация. Данная статья посвящена восприятию образа Советской России в творческом сознании китайского поэта и эссеиста Сюй Чжимо (1897–1931). Материалом исследования стали его «Заметки из путешествия по Европе» (в первую очередь, эссе «Сибирь» и «Москва»), стихотворения «Сибирь» и «Тростниковая песня (вспоминая Сиху на сибирском пути)». В результате работы над материалом были сделаны следующие выводы. Образ Советской России в творчестве китайского поэта представлен многогранным и противоречивым. В выстраиваемой Сюй Чжимо традиционной для русской философской мысли концепции «Москва – Третий Рим» Россия должна быть страной-мессией. Для создания подобного образа китайский поэт и эссеист использует описание пейзажей бескрайней Сибири и городских локусов (Москва, Иркутск) Особое место в «Заметках из путешествия по Европе» занимает изображение русских церквей. Однако, обнаруживая социальные, культурные и нравственные изменения, которые произошли в результате революции 1917 года (бедность людей, дефицит продуктов и вещей первой необходимости, высокие цены), Сюй Чжимо создал образ Советского государства, которое находится в пограничном социально-политическом состоянии. Будучи патриотом, китайский поэт обеспокоен тем, что если в Китае тоже начнется волна революционных событий, то все негативные последствия революции, которые Сюй Чжио видел в России, и коснутся и его родной страны.

Ключевые слова: Сюй Чжимо; Советская Россия; «Записки о путешествии по Европе»; эссе «Москва»; эссе «Сибирь»; пейзаж

Для цитирования: Афанасьев А.С., Лу Цзин. Образ советской России в творчестве Сюй Чжимо. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(3): 301–312. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.6.3.301-312>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.6.3.301-312>

THE IMAGE OF SOVIET RUSSIA IN THE WORK OF XU ZHIMO

A.S. Afanasev, Lu Zing

Kazan Federal (Volga region) University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹a.s.afanasyev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0571-833X>

²723311545@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-3960-7304>

Abstract. This article is devoted to the perception of the image of Soviet Russia in the creative consciousness of the Chinese poet and essayist Xu Zhimo (1897–1931). The material for the study is his “Notes from a Journey in Europe” (first of all, essays “Siberia” and “Moscow”), poems “Siberia” and “Reed Song (Remembering Sikhu on the Siberian Way)”. The following conclusions were drawn as a result of the work on the material. The image of Soviet Russia in the works of the

Chinese poet is presented multifaceted and contradictory. In building Xu Zhimo traditional for the Russian philosophical thought concept of “Moscow – the Third Rome” Russia must be a country-messiah. To create such an image, the Chinese poet and essayist uses descriptions of landscapes of boundless Siberia and urban locales (Moscow, Irkutsk) A special place in “Notes from a Journey to Europe” is taken by the depiction of Russian churches. However, discovering the social, cultural and moral changes that occurred as a result of the 1917 revolution (poverty of people, shortages of food and necessities, high prices), Xu Zhimo created an image of the Soviet state, which is in a borderline social and political state. As a patriot, the Chinese poet is concerned that if a wave of revolutionary events were to break out in China as well, all the negative consequences of the revolution that Xu Zhimo saw in Russia would also affect his home country.

Keywords: Xu Zhimo; Soviet Russia; “Notes on a trip to Europe”; essay “Moscow”; essay “Siberia”; landscape

For citation: Afanasev A.S., Lu Zing. The Image of Soviet Russia in the Work of Xu Zhimo. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(3): 301–312. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.6.3.301-312>

Сюй Чжимо (1897–1931) – один из важнейших представителей «новой китайской поэзии» и активный общественный деятель. Его без преувеличения можно назвать гражданином мира: учился в Университете Кларка (США) и Королевском колледже Кембриджского университета (Великобритания), получил степень магистра политических наук в Колумбийском университете (США). Россия тоже находилась в сфере его творческих и общественных интересов, поэтому целью нашего исследования стал анализ образа Советской России, который был создан в творчестве китайского поэта.

Сюй Чжимо был представителем поколения, встретившего новые волны трансформации традиционного Китая. В первую очередь, это, конечно, же «движение 4 мая», на возникновение которого оказала огромное влияние Октябрьская революция 1917 года. Поэтому начало появления опосредованного интереса Сюй Чжимо к послереволюционной России можно отнести к 1919 году – году активности «движения 4 мая».

Непосредственно Сюй Чжимо познакомился с Россией в марте 1925 года, когда отправился в Европу. На поезде он проехал через всю страну Советов, пребывал три дня в ее столице Москве. Творческим результатом данного путешествия стали «Записки о путешествии в Европу» (1925), куда вошли следующие эссе о Советской России: «Сибирь», «Москва», «Толстой», «Еврейский

кошмар», «Могила Чехова», «Кровь. Мысли по поводу посещения мавзолея Ленина». Кроме того, так восхитившей китайского поэта природе Сибири посвящены еще два стихотворения – «Сибирь» и «Тростниковая песня (вспоминая Сиху на сибирском пути)». Все эти тексты послужили для нас материалом исследования.

Следует отметить, что этой поездкой обращение Сюй Чжимо к советской тематике не ограничилось. В октябре 1925 года Сюй Чжимо стал главным редактором периодического газетного приложения «Чэньбао фукань». И сразу же после этого назначения на страницах приложения разгорелась дискуссия о Советской России, значении революции в истории страны и возможности, и последствиях подобного сценария в Китае. Эту дискуссию подробно проанализировал в своей статье А.В. Ломанов, который сформулировал точку зрения Сюй Чжимо в этом споре следующим образом: «Сюй Чжимо хотел избежать повторения в Китае русской революции и не допустить сопутствующих жертв» [1, с. 348]. Возможно, такой взгляд на революцию 1917 года сформировался у поэта именно после увиденной им вживую советской действительности.

Перед непосредственным анализом образа России в творчестве в Сюй Чжимо необходимо сказать несколько слов о методологической базе статьи. Эту базу определили два основных литературоведческих вектора. Первую группу составили работы, в которых представлен структурно-семиотический подход к анализу литературных произведений, который позволяет рассмотреть художественный текст как единое целое [2], [3]. Вторым блоком выступили исследования, в которых акцент делается не на рассмотрении текста как единства, а его отдельных элементов, например, образной системы [4], [5].

Итак, образ России в «Заметках о путешествии в Европу» оказывается антитетичным, состоящим из двух противопоставленных друг другу полюсов: на одном краю – завораживающая русская (=сибирская) природа, на другом – неблагоустроенный советский (=московский) быт, а объединяющим началом этих

крайностей оказывается находящийся в неопределенности своего положения «русско-советский» человек.

Начав свое путешествие из Читы, Сюй Чжимо с первой же минуты своего пребывания на сибирской земле был покорен ее природой: «Ну и как прикажете мне описывать сибирский пейзаж? Кристальная, хрустально-надтреснутая атмосфера; протяжно синий небосвод – нам, привыкшим влачить свои дни в сером песке будничной рутины, все это было в новостях. Местный лес – сплошной, плотный, густой, строгий и величественный. Он сам напоминает мне некую таинственную и темную религию. Деревья здесь – все как одно нацелены вверх, строго в сердцевину небосвода» [6]. Особенность сибирского пейзажа в этом эссе – его чистота, свежесть, прозрачность, воздушность. Будучи представителем «новой китайской поэзии», вобравшей в себя черты одновременно романтизма и символизма, Сюй Чжимо переносит это состояние и на общую атмосферу новой Советской России (забегая вперед, скажем, что такое восприятие Страны Советов после пребывания в Москве у него изменится).

Особенно декларативен переход двух состояний – холода и оттепели – в стихотворении «Сибирь», созданном в марте 1925 года. Описывая Москву в одноименном эссе, Сюй Чжимо говорит о переменчивости столичной погоды: днем все тает, на улицах слякоть, а ночью подмораживает. Проезжая по мартовской Сибири, поэт никак не мог видеть там наступление весны, но в своем стихотворении он рисует образ оттаивающей Сибири – образ, им придуманный (воображенный), а не увиденный.

Композиционно стихотворение четко делится на две части. В первой части Сибирь показана «пустыней ледяной». В этом забытом Богом крае нет живых людей – есть только «высыхающие души» и оставленные ими тела. «Сибирь, ты – страх, ты – ужас, ты – погибель» [6] – вот такими тремя мрачными существительными завершает первую строфу стихотворения Сюй Чжимо. Эта строфа и по своему образному строю (пустыня, Бог), и по настроению бого-

оставленничества является антонимичной к известному стихотворению А.С. Пушкина «Пророк».

Вторая строфа являет собой яркий контраст к первой. Суровой и, казалось бы, бесконечной зиме противостоит здесь весна, причем весна дается в своем поступательном движении к лету: «отринут иней» – «рассеяны лучи <солнца – А.А., Лу Цзин>» – «шире расходятся стада» – «цветут равнины» – «стремятся к солнцу колосья» [6]. Мотив богооставленничества сменяется мотивом божественного присутствия, а появляющийся в предпоследней строке херувим, в прямом и переносном смысле рифмуясь с пушкинским серафимом из уже названного стихотворения, дарит свою улыбку ожившему краю. Символический слой этого стихотворения очевиден: Сюй Чжимо верит, что Советская Россия сможет пробудиться после сна, в который она впала после революции (а, может быть, и находилась в нем, когда революционные события совершались), и русский Бог обязательно вернется.

Еще одно стихотворение о Сибири – «Тростниковая песня (вспоминая Сиху на сибирском пути)» (1925, март). Рассмотрение данного стихотворения необходимо начать с анализа его заглавия. Сиху – это одно из знаменитых озер Китая, символ города Ханчжоу. В этом городе Сюй Чжимо обучался в школе. Но слово «сиху» означает и смычковый музыкальный инструмент с четырьмя струнами, в изготовлении которого использовался тростник. В свою очередь тростник является одним из основных образов китайской живописи и поэзии. Например, образная пара «хижина – тростник», встречающаяся в стихотворении Сюй Чжимо, обнаруживается у Ду Фу: «Он с тростниковой / Хижины моей / Сорвал / Четыре слоя камыша» [7, с. 200]. Русскому читателю – знатоку классической поэзии – тростниковая песня (или, иными словами, певучесть тростника) напоминает стихотворение Ф.И. Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...», в котором помимо идеи музыкальности бытия появляется интересное нас метафорическое обозначение человека – «мыслящий тростник». Таким образом, двухчастное название стихотворения одновременно аккумулирует и

предваряет основные мотивы, образы и настроения стихотворения: человек, тростник, родина/чужбина, музыка/песня, бесконечность бытия, легкая грусть.

Как и в предыдущем стихотворении, сибирская природа символистски-причудливо переплетается здесь с китайской действительностью: вокруг лирического героя находятся снежные поля, а он в свою очередь поднимает тростник, лежащий перед его хижинкой, и поет в него о счастье людей, оставшихся на его родине. Далее лирической героиней признается, что ему очень трудно петь на чужбине, ведь он испытывает тоску: «в новых нотах ушедшие скорбные дни / поплывут над замерзшей рекой» [6]. Преодолевший с помощью песни пространство лирической героиней пытается преодолеть и время: он верит, что его песня пролетит «сквозь века», но неожиданно тростник ломается. Тем не менее лирической героиней не отчаивается: он снова берет тростник, лежащий перед хижинкой, и вдыхает в него слова. Возвращаясь к мотиву «сибирского» пути, вынесенного в заглавие, можно сделать вывод, что образ Сибири как реального географического топоса здесь максимально нивелируется, растворяется в образах и мотивах традиционной китайской поэзии, но при этом сибирское холодное дыхание чувствуется читателю и как бы оркеструет все стихотворение.

Конечно, нельзя пройти мимо описания китайским поэтом в своем эссе сибирского заката: «На закате снег рассыпается самыми трогательными и нежными цветами, особенно – в моменты, когда сумеречное солнце начинает медленно проваливаться за обод сибирского горизонта. Самый привычный оттенок здесь – серебристо-алый, но случается и лицезреть, как утиная желтизна приносит мерцающую туманную зелень ореола» [6]. Безусловно, этот образ тоже символистский, поскольку именно представители этого литературного направления очень активно использовали его в своих художественных, публицистических и даже теоретических произведениях. Вспомним, например, знаменитую характеристику символизма, данную Андреем Белым: «Символическое течение современности еще отличается от символизма всякого искусства тем, что оно действует на границе двух эпох: его мертвит вечерняя заря анали-

тического периода, его животворит заря нового дня» [8, с. 259]. Закат у Сюй Чжимо, как и у русских символистов, знаменует переходное состояние – в данном случае от света к тьме, но не к тьме пугающей, наводящей страх, а к тьме загадочно-манящей.

Еще одним образом, конструирующим пространство Сибири (и всей Советской России), оказывается образ русского народа. Вообще, отличительной чертой всех эссе Сюй Чжимо является детальное портретное описание и незавуалированно высказываемое авторское отношение к человеку. Первым на страницах «Сибири» появляется образ «товарища» – советского революционера. Автор встретил его в вагоне-ресторане и, с одной стороны, за его выправку и решительность, а, с другой стороны, за его вызывающе-хамское поведение, за скрытые злобу, ненависть и ярость прозвал попутчика «Наполеоном вагона-ресторана». У Сюй Чжимо он не вызывает симпатии и уважения – здесь, скорее, можно говорить о чувстве страха, но не страха за свою жизнь, а страха за то, что именно такие люди, не обремененные правилами общественного поведения и моральными принципами, творят советскую историю. И еще в подтексте обнаруживается опасение, что подобные «товарищи» придут к власти в его родной стране.

Однако автор с самой же первой остановки понимает, что основное население советской России – это не революционеры, а беднота и попрошайки. Да, Сюй Чжимо выделяет одну маленькую девочку, у которой друг автора купил бутылку молока за 50 копеек серебром, но в остальных случаях представлен собирательный, неразделенный образ сибирского народа – «сплошная черная масса» [6], в которой не разобрать отдельного человека. В тексте невозможность разглядеть человека в толпе детерминирована ранними сумерками, но символистский подтекст эпизода позволяет увидеть здесь деперсонализацию и обезличивание человека, причиной которых становятся тяжелые жизненные условия: «Народ Сибири... не стану обзывать его ограниченным или кому-то подчиненным – скорее всего, таков его первобытный путь. Его жребий – всю

жизнь носить эти черные шерстяные кофты, войлочные башмаки, перетаскивать тело в работе – что как ни голод принуждает его к такому существованию? Эх, да что тут, право, говорить...» [6]. В авторских интонациях обнаруживается искреннее сочувствие сибиряку; Сюй Чжимо переживает за судьбу народа, но понимает, что ни он сам, ни его друг ничем не могут помочь, и даже 50 копеек серебром не изменят жизнь десятилетней девочки.

Цикл московских эссе достраивает и корректирует образ сибирской России. Напомним, Сюй Чжимо пробыл в Москве три дня, и за это короткое время его отношение к столице советского государства изменилось от восторженно-мифологического к трагически-реалистическому.

Эссе «Москва» открывается панегириком городу. Прогуливаясь возле московского Кремля, Сюй Чжимо ощущает в столице неиссякаемую силу для преобразования мира, видит в ней чуть ли не мессианскую роль в деле спасения человечества: «Москва – эмблема будущей цивилизации <...> Москва, поскорей созови своих мастеров разрушения, вложи им в одну руку факел, а в другую – смертоносный меч, поскорей доверши начатое, чтобы через тысячу лет свободные от рабства потомки неиссякаемым потоком устремились к тебе, подобно тому, как сейчас они едут в Рим» [9, с. 94]. Сравнение Москвы с Древним Римом здесь, конечно же, неслучайно – историософская концепция «Москва – Третий Рим» была известна китайскому поэту. Но в контексте последующих страниц эссе мы можем утверждать, что Сюй Чжимо не только актуализирует идею преемственности двух столиц, но и выражает опасение, что страна Советов во главе с Москвой может повторить печальную судьбу Римской Империи.

Неожиданно восприятие Москвы Сюй Чжимо резко меняется. Образованнейший человек своего времени, знаток русской классической литературы и культуры, китайский поэт обнаруживает, что «прежней России» больше нет: «исчезла прежняя Россия. Россия старого режима, самоуправства, излишеств, аристократии, декаданса; Россия дам в длиннополых платьях, повозок в позолоте, чиновников с табакерками, дворян с их охотой; Россия романов Толстого

и Достоевского – исчезла» [9, с. 95]. В эссе «Толстой» Сюй Чжимо также упоминает имена этих классиков русской литературы (к ним еще добавлен Тургенев). Известно, что в Москве китайскому поэту устроили встречу со старшей дочерью Л.Н. Толстого Т.Л. Сухотиной-Толстой. В разговоре с Сюй Чжимо дочь писателя также отмечает гибель старой культуры, и в качестве одного из показателей Татьяна Львовна называет исчезновение с книжных полок произведений Толстого, Тургенева и Достоевского [10, с. 136]. По выделяемым автором характеристикам имперской России («самоуправство», «излишества», богатство) можно сделать вывод о том, что Сюй Чжимо приветствует свержение монархической власти, однако на самом деле отношение автора к революционному процессу в России оказалось сложнее. Китайский поэт с сожалением отмечает исчезновение старой культуры и отсутствие культуры новой (что вполне понятно – молодой советской стране на момент приезда в нее Сюй Чжимо было всего три года), но это отсутствие для китайского автора, – «как ни странно, преимущество» [9, с. 95]. Это странное преимущество мы объясняем следующим образом: Сюй Чжимо боялся своими глазами увидеть то, что чуть позднее назовут «культурой пролетариата»; он не хотел видеть культуру, созданную «товарищами», «наполеонами вагонов-ресторанов». Вторит изменению авторского настроения и пейзаж: место величественного пейзажа мессианской Москвы занимает описание безжизненного, мертвого неба: Москва из Третьего Рима превращается в больничную палату, которую хочется побыстрее покинуть.

Сюй Чжимо в столице поразил контраст бедноты населения и высоких цен на товары. Путешественник отмечает, что советские женщины не могут себе позволить купить «шелковые чулки»; очень дорогими ему кажутся обувь, мандарины и завтрак в гостинице. Из-за всеобщей дороговизны даже просто опрятного человека встретить на улице крайне сложно: Сюй Чжимо описывает одного профессора, внешность которого напомнила китайскому поэту «не то заключенных, не то бесов» [9, с. 96]; квартиру другого ученого китайский поэт уподобил прямоугольной тыкве. Марширующую детвору (видимо, Сюй Чжимо

имеет в виду пионерский отряд) Сюй Чжимо сравнивает с попрошайками, которых буквально выгнали на улицу топтать мартовскую грязь и бить в барабаны. Китайский поэт придумал и свою классификацию советских женщин: «жены или сестры тех, кто побогаче» [там же] и «коммунистки» [там же]. Как не трудно догадаться, критерием разделения женщин на два типа оказалась носимая ими одежда и сама манера одеваться.

Однако особенно удивили Сюй Чжимо в Москве мужчины, «которые прогуливаются с грудными младенцами прямо на улице» [там же]. Все дело в том, что если раньше за детьми присматривали горничные, няньки и служанки, то в 1925 году это стало большой роскошью, и на мужчин легло бремя времяпрепровождения с собственными детьми. Важно: именно в этот момент Сюй Чжимо открыто обращается к своим оппонентам, прогнозируя возможные последствия повторения октябрьских событий в Китае: «если однажды Московские веяния доберутся к нам, то вы уж непременно распрощаетесь со своими хоромами, и будете жить там, где укажет правительство: в Сихуатине или Дунхуатине. Тогда вам с вашими господами придется самостоятельно организовывать хозяйство: протирать столы, подметать, готовить, стирать... какая бы мелочь ни появилась – все придется делать самим» [там же]. Безусловно, в этом отрывке есть ирония по отношению к своим противникам, но здесь также присутствует и недоумение автора по поводу им увиденного.

В целом же, общая характеристика людей, встреченных Сюй Чжимо в Москве, оказалась мрачной, грустной, тяжелой. Но китайский поэт не захотел на грустной ноте заканчивать свое эссе. В финале – вновь панегирик городу, и на этот раз он посвящен московским церквям. Из всех шестисот церквей (такую цифру называет сам Сюй Чжимо) его больше всего покорило своим великолепием и величию Храм Василия Блаженного (в эссе «Могила Чехова» Сюй Чжимо восхищается видом Новодевичьего монастыря, контрастом к которому выступают разрушенные дворянские надгробия). Однако и здесь поэт вставляет одно предложение о том, что новой власти православная культура оказалась не нужна.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что образ Советской России в «Записках о путешествии в Европу» и в хронологически, и тематически прилегающих к нему двух стихотворениях Сюй Чжимо представлен сложным, неоднозначным и противоречивым. С одной стороны, Россия в контексте историко-философской концепции «Москва – Третий Рим» должна быть страной-мессией. Именно поэтому (а не только из-за их красоты) значительное место в записках китайского поэта занимает описание православных храмов. С другой стороны, видя последствия революционных событий (утрата прежней культуры, бедность населения, высокие цены, дефицит отдельных товаров) Сюй Чжимо создает образ государства, находящегося на перепутье, живущего в эпоху перемен. Как истинный патриот, китайский поэт опасается, что подобная судьба может ждать и его родную страну, если в ней будет повторен сценарий революционных событий.

Список литературы

1. Ломанов А.В. Роль Сюй Чжимо в китайской дискуссии о Советской России. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2018;(23):336–350.
2. Махихина Н.Г., Насрутдинова Л.Х. Смерть- уход в зеркале русской литературы XI–XXI веков. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;(1):36–46.
3. Сесорова А.Д. Синтез документального и художественного в поэме А.Полежаева «Узник» *Казанский лингвистический журнал*. 2021;(4):487–498.
4. Тугулова О.Д. Образ матери в женской поэзии Китая «нового периода». *Казанский лингвистический журнал*. 2023;(2):165–175.
5. Сафина Г.Ф., Идиатуллина Л.Т. Образы-символы «крылья», «птица» в татарской женской поэзии 1980–2010-х гг. (на примере лирики Л. Шагирзян). *Казанский лингвистический журнал*. 2022;(2):147–157.
6. Сюй Чжимо. *Сибирь*. URL: <https://magazeta.com/translate-xuzhimo> [дата обращения: 25.02.2023].
7. *Поэзия эпохи Тан (VII–X вв.)*. М.: Художественная литература; 1987.
8. Белый А. *Символизм как миропонимание*. М.: Республика; 1994.
9. Алексеев И.А., Смирнов С.В. Эссе Сюй Чжимо «Москва» из «Заметок о путешествии в Европу» (1925). *Уральское востоковедение*. 2021;(11):90–102.
10. 徐志摩 我知道我的康桥 合肥 安徽科学技术出版社 2018. 219页。(Сюй Чжимо. *Я знаю свой Кембридж*. Хэфэй: Аньхойское научно-техническое издательство; 2018. 219 с.) (на кит. яз.).

References

1. Lomanov A.V. The Role of Xu Zhimo in the Chinese Discussion of Soviet Russia. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriia i sovremennost'*. 2018;(23):336–350. (In Russ.)
2. Makhinina N.G., Nasrutdinova L.Kh. Death-Care in the Mirror of Russian Literature of the XI-XXI Centuries. *Kazanskii lingvisticheskii zhurnal*. 2023;(1):36–46. (In Russ.)
3. Sesorova A.D. Synthesis of documentary and fiction in A. Polezhaev's poem “The Prisoner”. *Kazanskii lingvisticheskii zhurnal*. 2021;(4):487–498. (In Russ.)

4. Tugulova O.D. The image of the mother in Chinese women's poetry of the “new period”. *Kazanskii lingvisticheskii zhurnal*. 2023;(2):165–175. (In Russ.)
5. Safina G.F., Idiatullina L.T. Images-symbols “wings”, “bird” in Tatar women's poetry of 1980-2010s (on the example of lyrics by L. Shagirzyan). *Kazanskii lingvisticheskii zhurnal*. 2022;(2):147–157. (In Russ.)
6. Siui Chzhimo. *Siberia*. URL: <https://magazeta.com/translate-xuzhimo> (accessed: 25.02.2023). (In Russ.)
7. *The poetry of the Tang dynasty (7th–10th centuries)*. Moscow: Khudozhestvennaia literature; 1987. (In Russ.)
8. Belyi A. *Symbolism as worldview*. Moscow: Respublika; 1994. (In Russ.)
9. Alekseev I.A., Smirnov S.V. Xu Zhimo's essay “Moscow” from “Notes on a Journey to Europe” (1925). *Ural'skoe vostokovedenie*. 2021;(11):90–102. (In Russ.)
10. 徐志摩 我知道我的康桥 合肥 安徽科学技术出版社 2018. 219页。(Siui Chzhimo. *I know my Cambridge*. Khefei: An'khoiskoe nauchno-tekhnicheskoe izdatel'stvo; 2018) (In Chin.)

Авторы публикации

Афанасьев Антон Сергеевич –
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: a.s.afanasyev@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0571-833X>

Лу Цзин –
соискатель
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: 723311545@qq.com
<https://orcid.org/0000-0003-3960-7304>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14.03.2023
Одобрена после рецензирования: 30.04.2023
Принята к публикации: 8.05.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Afanasev Anton Sergeevich –
Doctor of Philology,
Head of Department
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: a.s.afanasyev@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0571-833X>

Lu Zing –
Applicant
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: 723311545@qq.com
<https://orcid.org/0000-0003-3960-7304>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 14.03.2023
Approved after peer reviewing: 30.04.2023
Accepted for publication: 8.05.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.